

приостановлении приговора и дело не затребовалось в порядке надзора, а кассационная жалоба не была пропущена, приговор приводился в исполнение (1; 1928.-№ 28.— Ст. 246, 2; ф.1, оп.3, д.1785, л.93,94).

Нередко приговор выносился органами ГПУ непосредственно. В соответствии с решением Президиума ЦИК СССР от 1 апреля 1924 г. прав внесудебной репрессии (вплоть до расстрела) было дано Коллегии ОГПУ в отношении фальшивомонетчиков к контрреволюционных организаций (2; ф.1, оп.2 (доп.), д.58, л. 196). Кроме того, на протяжении 1924-1928 гг. ОГПУ неоднократно обращалось к ЦИК СССР с ходатайствами с предоставлением ему права вынесения внесудебных приговоров и по другим делам. К примеру, на заседаниях Президиума ЦИК от 22 марта, 7 июля и 31 августа 1928 г. таких ходатайств было рассмотрено соответственно 14, 44 и 28. Все они были удовлетворены (2; ф.1, оп.3, д.176, л.24,25, 46-50 и 156,157). Очевидно, подобная практика существовала и в отношениях ГПУ УССР с Президиумом ВУЦИК. Косвенным подтверждением тому служит цитируемое выше особое мнение М.Рейхеля, высказанное им при обсуждении проекта положения о чрезвычайных сессиях губсудов.

Таким образом к концу 20-х годов правовой статус органов госбезопасности включал в себя не только значительные полномочия ГПУ при расследовании преступлений и производстве административных высылки, но и, по сути, предполагал наличие судебных прерогатив через участие представителей Госполитуправления в системе чрезвычайных сессий. Законодательство о чрезвычайных сессиях закрепляло отказ о внесудебной репрессии. Но определяющая роль органов ГПУ при рассмотрении дел, по которым они же проводили предварительно расследование, делала этот отказ формальным. Тем более, что в определенных случаях органам Госполитуправления предоставлялась возможность самостоятельно разрешать находящиеся у них дела.

Список литературы: 1. СУ УССР. -1922-1928. 2. ЦГАВО Украины. - ф.1,2,8

В.Е.Рубанин,
канд.юрид.наук.

НАУЧНАЯ ПОЛЕМИКА ОТНОСИТЕЛЬНО ПОНЯТИЯ И СОДЕРЖАНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-х – В 70-е ГОДЫ XX ст.

Отношения собственности и право собственности занимают одно из

центральных мест в системе общественных отношений. По мнению многих цивилистов [4; 10], в самом общем виде собственность определяется как отношения между людьми по поводу присвоения материальных благ и установления господства над ними, принадлежности их конкретному лицу. Эти отношения выступают движущей силой общественного производства, его сущностью, ибо всякое производство есть присвоение индивидом предметов природы в рамках определенной формы общества и через нее. Именно собственность является условием функционирования организованного производства в пределах общего комплекса производственных отношений, а значит, и их главной составляющей [4, с. 5].

В юридической науке советского периода неоднократно велась полемика относительно понимания и трактовки понятий “собственность” и “право собственности”. В послевоенные годы, когда в науку вступало поколение ученых, выросших и воспитанных в годы Советской власти, такая дискуссия разгорелась с новой силой.

В 1948 г. выходит фундаментальная работа А.В.Венедиктова “Государственная социалистическая собственность” [3], которую автор посвятил изложению общего понимания права собственности, анализу процессов зарождения, становления и окончательного утверждения понятий собственности и права собственности и предложил понимание собственности как присвоения [3, с.27]. Этот тезис вызвал бурную полемику, и несколько позднее участниками дискуссии было показано, что в своих высказываниях по этому вопросу Ф.Энгельс, на которого как на источник ссылался А.В.Венедиктов) пользовался понятием “присвоение” как синонимом “приобретение собственности”, а не собственности как производственного отношения.

Понятие “собственность” как экономическое отношение в его развитых формах (“присвоение”) не было воспринято советским правоведением. В результате исследования сущности имущественных отношений учеными были предложены иные решения. Так, С.Н.Брагусь, [2], не предлагая законченного определения собственности как экономического отношения, изложил свое понимание ряда важных элементов этого понятия. Он фиксирует место отношений собственности в системе общественных отношений, определяет собственность как “ядро производственных отношений”, как результат распределения средств производства, как начальную и конечную предпосылки процесса производства. Отмечена им и историчность форм собственности, связанная с соответствующей общественной формой производства. Что же касается формы собственности как ее структуры, общей для всех этапов исторического развития, что отличает экономические отношения собственности от других экономических

отношений и делает отношения собственности ведущим звеном всей системы имущественных отношений, то здесь С.Н.Братусь ограничился высказыванием о собственности как "отношении к условиям производства как к своим" и определил собственность как "состояние присвоения материальных благ", как "отношение субъекта к вещи как к своей" [2, с.21, 23]. Характеризуя собственность как "присвоение" ее объектов, он отмечает, что такая характеристика имеет место главным образом при рассмотрении отношения человека к естественным условиям его труда, которое еще не было связано с его отношениями с людьми по поводу вещей. В этом случае речь шла о физическом акте присвоения объекта, образующего "так сказать, лишь его удлиненное тело". Определять же отношения собственности как "отношение субъекта к вещи как к своей" в обществе, где господствуют отношения собственности, значит определять "собственность как отношение к своей собственности", оставляя тем самым вопрос об общественной собственности без ответа [2, с.24].

С.С.Алексеев толкует собственность как "сторону производственных отношений", "которая ближайшим образом связана с их сущностью" и тут же подчеркивает ошибочность мнения, что собственность "представляет собой нечто другое, чем производственные отношения в целом" [1, с. 28, 35, 36, 46]. Некоторую формальную противоречивость этих определений можно было бы обойти, учитывая, что "ближайшим образом связанное с сущностью" явление очень близко к явлению "в целом", и сделать вывод, что ученый видит в отношениях собственности материальное общественно-производственное отношение, реализуемое в волевых имущественных отношениях конкретными лицами. Однако характеристика собственности лишь как стороны производственных отношений дается неоднократно в его же работе вне указанной связи, а имущественные отношения характеризуются и как "прямое ("естественное") выражение производственных отношений", и как "волевое отношение собственности" [1, с. 33, 46], вследствие чего коренной вопрос о взаимоотношении собственности, имущественных отношений не получил здесь четкого определения.

Ю.К.Толстой, исходя из выдвинутой им концепции тождественности имущественных и производственных отношений, отверг разграничение отношений собственности как основы производственных отношений и как конкретного волевого отношения, чем весьма упростил, на первый взгляд, решение вопроса о понятии собственности и о соотношении производственных отношений и отношений собственности. Это позволило ему определить экономическую категорию собственности как "совокупность исторически определенных общественных отношений по владению,

присвоению и распоряжению средствами и продуктами производства” [11, с.153]. Такое же, в основном, понимание собственности, лишь несколько скорректированное, ученый предлагает и позднее (1971 г.), определяя “собственность в экономическом смысле” как “совокупность исторически определенных имущественных отношений по владению, пользованию и распоряжению” [7, с.226]. Нельзя, однако, упускать из виду, что основная предпосылка этой позиции, – тождество имущественных и производственных отношений без учета их уровня и категории – вряд ли может быть доказана, так как она приводит к отрицанию материального характера общественно-производственных отношений в целом.

Заметим, что определение общественной формы собственности как экономического отношения, а использование комплекса признаков, присущих праву собственности общества развитого товарного производства, довольно прочно укоренилось в учебной юридической литературе того времени. Так, в учебнике гражданского права под редакцией О.А.Красавчикова значится: “Собственность в экономическом смысле можно определить как исторически обусловленные общественные отношения по присвоению материальных благ, выражающее принадлежность основных средств производства отдельным лицам, группам, классам, а также пользование и распоряжение ими” [8, с.234]. Здесь любая историческая общественная форма собственности характеризуется наличием “пользования и распоряжения” и только третий элемент права собственности – “владение” – заменен термином “присвоение”, выражающим принадлежность вещи. Не удивительно, что при определении понятия права собственности осталось только сказать, что это “система правовых норм, устанавливаемая ... с целью регулирования экономических отношений собственности” [8, с.235].

В учебнике гражданского права под редакцией проф. В.А.Рясенцева собственность как “общественно-производственное отношение особого вида” также определяется совокупностью правомочий собственника в обществе развитого товарного производства: собственность – “совокупность общественных отношений по владению, пользованию и распоряжению средствами и продуктами производства” [5, с.266].

Общее понятие собственности как экономического отношения, господствовавшее не только в учебной литературе, но в немалой степени и в трудах исследователей, формулировало отношения собственности как совокупность владения, пользования и распоряжения. Тем самым общественная форма собственности любой общественно-экономической формации отождествлялась с правом собственности господствующего развитого товарного производства.

Весьма проблематичные результаты такого подхода особенно очевидны в исследованиях различных аспектов феодальной собственности, как это можно видеть из капитальных трудов в этой области экономиста М.В.Колганова [5], где освещение проблемы феодальной собственности насквозь пронизано попыткой доказать, что производственные отношения собственности порождаются и складываются лишь на основе товарного обращения и лишь в отношении тех объектов, которые становятся предметом товарного обращения. Исходя из представления, что только товарное обращение формирует отношение собственности, автор решительно отвергал наличие при феодализме земельной собственности и упорно, хотя и безрезультатно, искал подтверждение своему взгляду в формах правового регулирования поземельных отношений при феодализме.

Ошибочность этого подхода в полной мере была обнаружена и доказана учеными, при обсуждении его монографии “Собственность в социалистическом обществе”, где выявилось, что высказывания автора по вопросу о наличии или отсутствии собственности на землю в докапиталистических формациях прежде всего предельно противоречивы. Так, М.В.Колганов решительно заявлял: “Мы в своей работе всюду исходим из того положения, что земля сама по себе (в отличие от продуктов труда) является только объектом владения, чем она и была в докапиталистических формациях”. [5, с.13]. И тут же автор уже “не исходит” из этого положения и признает наличие “своеобразной формы частной собственности на землю в рабовладельческом и феодальном обществе” [5, с.14], а дальше утверждает, что феодал был “всего лишь владельцем в системе иерархической феодальной земельной собственности”, хотя и “высшим субъектом владения землей”, а крестьянин, тоже “владелец земли”, “противостоял феодалу как высшему владельцу, а не как собственнику” [5, с. 31].

В доказательство мнимой правильности этого отрицания самой возможности земельной собственности при феодализме автор приводил слова К.Маркса: “Даже целое общество, нация и даже все одновременно существующие общества, взятые вместе, не суть собственники земли. Они лишь ее владельцы...” [5, с.39]. На этом цитата оборвана, видимо, потому, что далее у К.Маркса следует характеристика этих владельцев, исключая представление о них как о частных собственниках вообще; это – “*boni patres familias*”, которые должны оставить землю улучшенной последующим поколениям” [5, с.40]. И, наконец, действительный смысл цитируемого М.В.Колгановым высказывания окончательно раскрывался тут же в указании К.Маркса на то, что о невозможности собственности на землю речь здесь идет “с точки зрения более высокой общественной формации” [5, с.41].

Выявленная в ходе дискуссии противоречивость позиции и аргументации М.В.Колганова в вопросе о наличии или отсутствии собственности на землю в докапиталистических обществах стала результатом того, что его рассмотрению не было предпослано убедительное общее понятие собственности, хотя автор и пытался это сделать. Однако предмет научного поиска – “собственность” – при этом сохранял смутные очертания, подменялся якобы равнозначным понятием “владение”. М.В.Колганов, утверждая, что в феодальном обществе “земля сама по себе может быть ... только объектом владения”, а не собственности [5, с.13], в последующем ограничивается как бы только отрицанием возможности при феодализме товарной формы земельной собственности “в духе римского или современного буржуазного права”, но тут же повторяет утверждение, что здесь возможна была лишь та или иная форма владения землей и невозможна никакая даже “разделенная собственность” [5, с.32,33]. Наконец, в ходе дискуссии он заявил, что “владение есть тоже форма присвоения, а, следовательно, и собственности” и счел возможным заменить понятие “владение” понятием “неполная” или “условная собственность” [6, с.119]. Следовательно, собственность определяется здесь как некое единство “присвоения” и “имущественных отношений”. Но несколькими строками ниже “имущественные отношения” отождествляются (“или, что то же”) с “отношениями собственности”. Таким образом, понятие собственности представало уже как единство “присвоения” и “отношений собственности”. Имеющая здесь место явная тавтология сводила понятие собственности к “присвоению”. В толковании его М.В.Колгановым, это чрезвычайно широкое понятие, охватывающее “простое овладение продуктами природы ... производство продуктов, обмен, распределение, потребление, наследование и т.д.” [5, с.41]. Как видим, понятие собственности сводится уже к совокупности всех производственных отношений и даже правоотношений (наследование).

Итак, предложенное М.В.Колгановым определение понятия собственности как присвоения и как возникающих на его основе имущественных отношений, отождествлявшихся автором с отношениями собственности, не раскрывало ни содержания, ни общественной формы этих отношений, что не могло не сказаться на результатах исследования этой проблемы.

Ю.К.Толстой не без основания усматривал корни ошибочности концепций имущественных отношений, выдвинутых в конце 50-х – начале 60-х годов, в “чрезмерно прямолинейном, а по существу неверном” разграничении материальных и идеологических отношений [11, с.144]. К сожалению, предложенное им решение вопроса, заключавшееся в

отождествлении имущественных отношений с производственными отношениями в целом без учета места той или иной группы производственных отношений, как показало последующее обсуждение, было тоже чрезмерно прямолинейным. Чтобы отождествить волевые осознаваемые имущественные отношения с материальными общественно-производственными, Ю.К.Толстой, утверждая, что “наиболее правильно рассматривать понятия имущественных и производственных отношений как тождественные понятия” [11, с.147], предложил понимать независимость производственных отношений от воли и сознания людей только в том смысле, что “люди отнюдь не свободны в выборе этих производственных отношений” [11, с.145].

Этот же аргумент выдвигал и С.Н.Братусь, отказываясь различать общественно-производственные и конкретные производственные отношения [2, с.11]. Такое положение действительно имеет место как в имущественных конкретных производственных, так и в общественно-производственных отношениях, если речь идет о выборе участниками этих отношений общественно-политических отношений. Люди не свободны в выборе системы или подсистемы общественно-производственных отношений, например, товарного или натурального хозяйства как общего условия своей экономической деятельности. Но в выборе конкретного имущественного отношения в рамках данной системы общественно-производственных отношений они, конечно, пользуются значительной свободой, а это говорит не о тождестве общественно-производственных и конкретных имущественных отношений, а о существенном их различии.

Научной общественностью не была признана убедительной попытка Ю.К.Толстого сблизить и отождествить понятия имущественных и общественно-производственных отношений путем утверждения, что производственные отношения не зависят от воли и сознания людей только в том смысле, что “общественные результаты участия людей в производственных отношениях никогда не могут быть охвачены полностью ни сознанием отдельного человека, ни сознанием всего человечества” [2, с.11; 11, с.145].

Одним из итогов дискуссии стала выработка квинтэссентного общего понятия собственности, которое выглядело следующим образом: “Собственность есть органическое единство (система) материальных общественно-производственных и вторичных волевых отношений, сложившееся в результате разделения труда и объективной необходимости накопления и концентрации средств производства для существования и прогрессивного развития общества. В развивающейся общественной форме собственности в руках отдельных лиц и социальных групп (классов,

сословий) сосредоточивається найбільше повне из возможных в данной социально-экономической формации распоряжение средствами производства и предметами потребления” [10, с.37].

Список литературы: 1. Алексеев С.С. Предмет советского социалистического гражданского права. – Свердловск: Свердл.юрид.ин-т, 1959.-333 с. 2.Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. – М.: Госюриздат, 1963.-197 с. 3.Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. – М.-Л.: АН СССР, 1948.-839 с. 4.Дзера О.В.Розвиток права власності громадян в Україні. – К.: Вентурі, - 1996.-272 с. 5.Колганов М.В. Собственность в социалистическом обществе. – М.: Соцэкгиз, 1953.-496 с. 6.Коммунист. – 1954. - №8. 7. Советское гражданское право: Учебник /Под ред. Я.А.Куника. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1971.-512 с. 8.Советское гражданское право: Учебник / Под ред. О.А.Красавчикова.- Т.1.- Изд. 2-е.- М.: Высш.шк., 1972.-447 с. 9.Советское гражданское право: Учебник / Под ред. В.А.Рясенцева.- Изд. 2-е. – М.: Юрид.лит., 1975.-558 с. 10.Суханов Е.А. Лекции о праве собственности. – М.: Юрид.лит., 1991.-238 с. 11.Толстой Ю.К. Понятие права собственности // Пробл.гражд. и адм. права. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1962.-139 с.

Ю.М.Тодика,
д-р юрид.наук,
В.О.Серьогін,
канд.юрид.наук

ПАРЛАМЕНТСЬКИЙ КОНТРОЛЬ ЯК ОДНА З ФОРМ РЕАЛІЗАЦІЇ ПРИНЦИПУ ГЛАСНОСТІ ЩОДО ДІЯЛЬНОСТІ КАБІНЕТУ МІНІСТРІВ УКРАЇНИ

Спроможність громадян отримувати інформацію про свій уряд є ключовим елементом і запорукою демократії. Адже тільки добре поіформована громадськість може свідомо виконувати свої обов'язки по формуванню політичних напрямків та керуванню діяльністю владних структур. Якщо діяльність уряду оточена таємницею, зазначені цілі втрачають сенс. Суттєвою загрозою конституційному ладу є усунення самоврядування і громадського контролю в адміністративному механізмі, встановлення суто бюрократичної організації, спрямованої на реалізацію своїх інтересів, а не потреб суспільства, некомпетентність посадових осіб.

Як свідчить політико-правовий досвід країн з усталеними демократичними традиціями, одним з найбільш ефективних засобів контролю за адміністрацією є парламентський контроль, який виконує багато важливих функцій, зокрема, забезпечення проведення законодавчо